

Евгений Ткаченко

ЗАПИСКИ ПОПЕРЕЧНОГО ЧЕЛОВЕКА

Повести и рассказы

Евгений Ткаченко
Записки поперечного
человека. Повести и рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36304564
ISBN 9785449326041*

Аннотация

На обложку этой книги совсем не случайно помещена картина Ильи Глазунова под названием «Великий эксперимент». В рамках этого эксперимента я прожил полвека и в этой книге как раз попытался не только осмыслить его, но и понять каким образом, почему он был проведен именно у нас в России и как повлиял на души россиян. Слишком много неправды написанной и озвученной о том времени заставило меня поделиться своим видением этого эксперимента.

Содержание

От автора	5
Повести	7
Записки поперечного человека	7
Глава I	7
Зигзаги жизни	7
Глава 2	17
Влияние культурной среды	18
Глава 3	31
Любовь	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Записки поперечного человека Повести и рассказы

Евгений Ткаченко

© Евгений Ткаченко, 2018

ISBN 978-5-4493-2604-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

На обложку этой книги совсем не случайно помещена картина Ильи Глазунова под названием «Великий эксперимент». В рамках этого эксперимента я прожил полвека и в этой книге как раз попытался не только осмыслить его, но и понять каким образом, почему он был проведен именно у нас в России и как повлиял на души россиян. На эту тему литературы достаточно, но большая ее часть далека от правды, поскольку авторы, как правило, в то время были активными членами каких-то объединений, политических или общественных. Они наблюдали этот эксперимент с положения человека несколько привилегированного, а потому описать его объективно оказались не в состоянии.

Я, в советское время не только ни в каких объединениях не состоял, но и сформировался как личность в рамках самой независимой профессии – конструктор.

Конструктор, решая техническую задачу, начинает с того, что набирает максимум информации по теме. Далее он обязан в существующих конструкциях найти слабые места и сконструировать более совершенный механизм, или машину. Таким же образом я воспринимаю нашу социальную и экономическую жизнь, которая не может наладиться уже целое столетие. Понятно, что эти «механизмы» сложнее изготовленных из железа, но я думаю, что подход к их совер-

шенствованию одинаковый.

Слишком много неправды написанной и озвученной о том времени заставило меня поделиться своим видением этого эксперимента.

Повести

Записки поперечного человека

Бог создал нас для известной ему одному роли в большом спектакле. Надо угадать свой текст и суметь сыграть – с трепетом, но без заикания.

Григорий Померанц

Теперь же, когда я не только припоминаю, но даже решился записывать, теперь я именно хочу испытать: можно ли хоть с самим собой совершенно быть откровенным и не побояться всей правды?

Ф.М.Достоевский

Глава I

Зигзаги жизни

Я стар, мне уже за семьдесят. Всю жизнь что-то созидал, видно программа в меня вложена такая. Вот и сейчас, вместо того чтобы сидеть на теплой печи что-то совсем не развлекательное читаю, вспоминаю, размышляю, пишу.

Вспоминаю свое раннее детство и явственно снова ощу-

щаю в душе какое-то благоговение перед созданными человеком предметами и книгами, особенно почему-то книгами. Ни одну за свое детство я не зарисовал и не порвал. Это чувство сопровождает меня всю жизнь. Всегда удивлялся тому, как легко и даже с какой-то страстью дети рвут и пачкают книги. Возмущался понятно. Когда подрос, казалось, что это недоработки родителей, но потом дошло, что меня-то родители этому не учили, это было откуда-то изнутри.

Еще в дошкольном возрасте был у меня приятель Толик, видя часы, он как бы терял на время рассудок пытаясь проникнуть внутрь, для этого годились и отвертка и молоток. Дома у него ни одни часы не ходили, понятно, что родители Толика жестко наказывали, но это не работало. Помню, его побитого мне было жалко, но про себя я занимал сторону родителей. Должно быть, внутри него действовала какая-то сила, толкающая Толика на эти «преступления», да такая мощная, что он до определенного возраста сопротивляться ей не мог.

Мне нужно было достаточно пожить, чтобы понять, как сложна эта жизнь и что разрушитель он не менее важен, чем созидатель. Интересно, что мотив ломать он разный: один ломает из любопытства и страсти познать, а другой из удовольствия крушить. Это какая-то индивидуальная программа, вложенная кем-то в наши души при рождении. Ведь почти треть мальчишек рождаются воинами и большинство из них любители ломать, а не строить. Даже человек злой

и агрессивный для социума также необходим, как добрый и сердечный. Без него мы плохо будем отличать добро от зла, да и к добру он может подвигнуть окружающих куда как эффективнее, чем человек сердечный. В общем, то, что в какие-то периоды жизни кажется очевидным и бесспорным, совсем не очевидно. Не случайно в народе говорят, что только дуракам в жизни все ясно и понятно.

Парадокс в том, что сейчас я может быть, больше жалею носителей зла и неправды, представляю, как же тяжело идти по этому пути, но эту дорогу им дал Господь, возможно в наказание многим, чтобы не творили зла. Они, пожалуй, самые большие страдалыцы, Бог на их примере учит людей не поступать так, надеясь, конечно и на их преображение тоже. Ведь самое большое несчастье для человека жить без любви и добра в своей душе. Видно на них, носителей зла, действует та же сила, которая заставляла маленького Толика до определенного возраста ломать часы, вот только некоторых она ведет до конца их дней на земле. Пишу это вполне искренне, понятно, что думал так не всегда, понимание пришло ко мне только на склоне лет. Совсем не случайно первым, кого Христос взял в рай, был отпетым разбойником.

Я прожил полную жизнь и благодарен Господу, что Он дал возможность ее прожить. Оглядываясь назад, вижу, как же много было моментов, когда Он поддерживал меня и даже спасал. Думаю я прошел и еще продолжаю идти тот путь, к которому был предназначен. И все же, имея свободную во-

лю и основательный опыт, сейчас вижу, что в самых важных элементах жизни потерпел серьезное фиаско. Я напряженно учился и трудился, окончил политехнический институт, конструировал машины, дорос до главного конструктора и, выйдя в своей области техники на мировой уровень, в расцвете сил оказался государству ненужным. Когда это случилось, помню, в душе появился вопрос: «Если моя страна так легко отказалась от меня и вообще от всего направления техники, которым я всю жизнь занимался, то может быть, который я выбрал – ложный и жизнь прожита напрасно?». Этот вопрос какое-то время мучил меня, но, в конце концов, я понял, что все правильно мне такой жесткий урок был необходим. Ведь изобретая машины, я несколько возгордился и относил себя к элите человеческого общества. Творцом себя возомнил! Понятно, что конструкторская деятельность была для меня долгое время в приоритете по сравнению со многим, чем живет человек и что его окружает. Этот урок перевернул мою шкалу ценностей и сейчас я полностью согласен с В.В.Розановым, который писал: *«Верьте, люди, в нежные идеи. Бросьте железо: оно – паутина. Истинное железо – слезы, вздохи и тоска. Истинное, что никогда не разрушится, – оно благородное. Им и живите».*

Уже то, что я это понял, говорит о том, что путь этот не был ошибочным. Он не был напрасным еще и потому, что подарил мне громадный опыт жизни, позволивший переориентироваться на гуманитарную деятельность. Наверное,

как раз для этого мне этот непростой, длинный путь и был дан. Известный академик, создатель лазера Прохоров как-то сказал, что творческий человек может максимально реализовать себя только при условии, если трижды в течение жизни кардинально поменяет направление своей работы. Волею судьбы у меня так и получилось: инженер, преподаватель, литератор.

Пожалуй, еще больший облом претерпел в семейной жизни, хотя по природе человек я преданный, семейный и терпеливый. Не удалась она мне, и вот доживаю свой век в одиночестве.

Думаю, что это тоже такой замысел Бога? Он дал мне возможность многое увидеть и испытать в этой жизни, а потом оставил одного и подарил способность излагать на бумаге свои мысли, думаю не только с целью осмысления пройденного пути лично для себя. Мне-то это уже зачем?! Возможно, мой опыт для кого-то будет важным, и даже необходимым, но об этом знает только Он.

Всю жизнь я был сильным, энергичным и размеренно по ней, этой жизни, не шел, а бежал. Наверное, свою дорогу чувствовал каким-то невероятным чутьем. Сознаюсь, что пару раз с пути сбивался, но на очень короткое время, и всегда быстро и безошибочно возвращаясь на него. Сейчас я понимаю, как непросто было сориентироваться в советское время, где практически все ценности были перевернуты с ног на голову и во время той дикой анархичной социаль-

ной перестройки 90-х, поломавшей миллионы судеб наших соотечественников. Каким-то образом умудрялся выживать, не изменяя себе, несмотря на то, что почти все время приходилось идти против течения.

В ажиотаже жизни я смотрел только вперед, а назад, на то, что осталось за спиной, не оглядывался. Даже выйдя на пенсию, я о прожитой жизни особенно не задумывался. Как всегда сделать это помог случай. Написав первую свою книгу, я подарил ее Вячеславу Харинову, настоятелю храма, прихожанином которого был. Через некоторое время на трапезе после Литургии батюшка внимательно посмотрел на меня и произнес всего одну фразу:

– Евгений, какую же интересную жизнь вы прожили.

Ну да, конечно, первая книга состояла из рассказов и размышлений о моей жизни.

Сначала я удивился, но потом посмотрел по сторонам, на судьбы своих сверстников по школе и институту и, оглянувшись назад на уже прожитую свою жизнь, с удивлением обнаружил, что священник прав, так оно и есть, действительно интересная, значительно многообразнее и насыщеннее чем у моих друзей.

Протоиерей Вячеслав Харинов

Кстати, он же подвигнул меня к написанию этой первой книги. А получилось так. Когда мой отец ушел в мир иной, я тут же на следующий день приехал к батюшке, с просьбой отпеть его. Дело в том, что отец был крещен, заповеди соблюдал, но в храм не ходил, да его в городе и не было. Вячеслав Харинов попросил рассказать о его жизни. Мой рассказ произвел на него такое сильное впечатление, что батюшка попросил изложить его на бумаге и подарить ему. Излагая, я не только невольно вспомнил массу интересных фрагментов из собственной жизни, но и о многом задумался. Собственно с этого и началась моя литературная деятельность.

На сегодняшний день у меня написано шесть книг, а настоящего осмысления той жизни, которую прожил, в них нет. Какие-то мысли присутствуют, но они фрагментарны и не системны. Придется опять начать со своего детства, с се-

мьи и той культурной атмосферы, в которой пришлось мне произрастать. Не подумайте, что я кого-то пытаюсь пачкать или критиковать. Мне просто хочется максимально искренне описать то время, в котором рос. Уверен, что сегодняшнему поколению людей важно знать правду. Найти ее очень непросто, слишком послевоенное время было противоречивым. Существовало две правды, одна истинная, народная, но она была скрыта, а другая от власти, официальная, которой нас учили, но правдой ее назвать нельзя. И, конечно, я очень хорошо понимаю, что в книге, которую пишу, будет только моя правда, и она весьма относительна. С ней можно соглашаться, а можно ее и отрицать, ведь у каждого свой опыт.

Эту книгу можно отнести к очередному зигзагу моей жизни, поскольку это не просто жизнеописание человека, но попытка осмыслить его в контексте истории страны. Можно подумать, мол, с какой стати ты пытаешься это сделать, ведь ты не историк, а всего лишь рядовой инженер? А я именно поэтому, что рядовой, и взялся писать. Все-таки сознательно наблюдал жизнь в государстве больше пятьдесят лет и наблюдал не из какого-то привилегированного слоя: артистического, политического, чиновничьего или журналистского, а из толпы. Наблюдал, пожалуй, не совсем правильно, я еще и активно жил, за исключением жизни политической. В моей памяти все правители – от Сталина до Путина и не только имена, я на собственной шкуре прочувствовал

их политику.

Решил писать эти записки еще и потому, что вижу сильное отличие судьбы моего поколения от судьбы поколения предыдущего и последующего. Предыдущее поколение практически всю активную жизнь прожило в условиях коммунистического эксперимента и прошло страшное испытание войной. Последующее, поколение моих детей, сознательную жизнь проживает уже в капиталистической России. Только мое послевоенное поколение попало на социальный излом, причем большинство его представителей в расцвете своих физических и творческих сил.

Об этом изломе говорить правду как-то до сих пор не принято. Собственно ситуация такая же какая была у нас после войны. Тогда власть за правду жестко наказывала. Она пробивалась к нам почти полвека. Семь миллионов потерянных жизней озвученных Сталиным сразу после войны превратились за это время в двадцать семь. Правда о войне от тех, кто полностью прошел ее, тоже появилась совсем недавно. Роман Виктора Астафьева «Прокляты и убиты» окончен в 1994 году. В это же время появились «Записки гадкого утенка» Григория Померанца, в которых много удивительной правды о войне очевидца, такой искренней, какой мне встречать не приходилось.

Правду о социальной революции 1991 года сегодня нужно искать по крупицам, за нее не наказывают, но она явно замалчивается. Почему? Думаю понятно многим, у власти

до сих пор находится большое количество тех, кто этот антинародный переворот совершал. Совсем не случайны эти лживые ежегодные Гайдаровские форумы и попытки прославлять Ельцина.

Так в период с 1992 по 1998 год в России ушло из жизни почти три миллиона мужчин в возрасте от двадцати пяти до сорока пяти лет. Они умерли в результате различных заболеваний, которые не свойственны молодым людям. Эти заболевания были вызваны той грубой и циничной шоковой терапией. Заболевали мужчины зрелого возраста от невозможности реализовать себя, от бесперспективности жизни. Эти потери связаны со сломом социального порядка. Из статистики, в 1993 году по сравнению с 1987 годом число умерших в возрасте 30—39 лет увеличилось в два раза, а в возрасте 20—29 лет – в 1,8 раза. За первые два года существования режима Ельцина, численность Русского народа снизилась на 1 млн. человек, и это не смотря на то, что за этот же период в Россию вернулось порядка 500 тысяч русских из союзных республик. Население нашей страны после переворота убывало на протяжении целых двадцати лет. Самое страшное, что больше всего пострадали граждане обремененные культурой и интеллектом, собственно также как это было в революцию 1917 года.

В своей книге «Записки гадкого утенка» Григорий Померанц пишет: «Люди созданы для разных задач, и надо понять свою задачу, не испугаться ее, принять ее труды и опасно-

сти, но не переоценивать своего дара... Бог каждому из нас назначил ступеньку, до которой мы должны подняться. Есть незримая иерархия этих ступеней».

Мне кажется, сегодня моя задача очевидна. Она сужена Господом до одной деятельности – писательской, другого уже ничего не могу в силу физической немощи. Думаю на какую-то ступеньку я подняться смог. Удалось не только все, что задумывал, но куда как больше. Наверное, потому, что своего дара не переоценивал, а еще не сомневаюсь в том, что Господь мне в жизни всегда помогал. Раньше, когда был сильным и энергичным всегда имел выбор. Сейчас приятно осознавать, что ошибался мало и в основном шел по предначертанному мне пути. Искренне могу сказать: «Слава Богу за все!».

Дорогие читатели хочу обратить ваше внимание, на то, что в своем повествовании старался быть максимально искренним. Понимаю свое несовершенство, грешность и конечно примитивизм, возможно, кого-то это ранит. Заранее прошу прощения.

Глава 2

Влияние культурной среды

Сейчас я убежден в том, что жизнь человека определяется не только талантами, которые он получает при рождении, но в большей степени семьей и той культурной средой, в которой проходит его детство, среда играет роль проявителя, выявляющего талант, или угнетателя, способного талант убить или сильно затормозить его проявление. А еще в семье закладываются основы взаимоотношения человека с этим миром.

Так вот мое детство прошло в маленьком промышленном городке, расположенном на берегу реки Невы в сорока километрах от Санкт-Петербурга. Городок этот сегодня называется Кировском, а когда я там родился, это был поселок Невдубстрой. Появился он в 1932 году рядом со строящейся электростанцией 8 ГРЭС по инициативе Сергея Мироновича Кирова. Понятно, что был этот городок чисто советским, пропитанным коммунистической идеологией и практически без наличия какой либо национальной культуры. Да и население городка сложилось искусственно, жесткой волей коммунистической власти. Основная часть мужского населения в послевоенное время – заключенные советского концлагеря, привезенные из концлагерей немецких, женского – в основном девушки из окрестных поселков и деревень. Таким образом, история моего родного города начала складываться

ся, по сути, с нескольких предвоенных лет и Великой Отечественной войны.

А вот удивительно красивая история края, в котором я рос, ведущая свое начало еще со времен Александра Невского, советской властью была вычеркнута из моей жизни. Даже богатое прошлое крепости Орешек, которая находилась всего в восьми километрах от Кировска, и в которой я многократно бывал, представлялось в советских книгах и экскурсоводами только как история крепости в Великую Отечественную войну. О предыдущей многовековой истории и края, и крепости, определившей, по сути, все дальнейшее развитие государства Российского говорилось очень кратко и с фантастическими искажениями.

В такой среде очень уж малокультурной и пришлось жить. Был и еще один, как мне сегодня кажется негативный момент для поколения детей родившихся сразу после войны. Мы, в какой-то степени мешали празднику жизни родителей. Они все были еще молоды, эта страшная война отняла у них юность и упущенное они старались наверстать. Понятно, что этот негатив затронул всех по-разному, меня, например, очень сильно. Сердечного контакта со своими родителями вспомнить не могу. Я чувствовал, что отец меня любил, но был он не сентиментален и по отношению ко мне авторитарен, кроме этого видел я его в своем детстве очень мало. Отец много работал, а свободное время проводил в лесу на охоте, или на Неве, на рыбалке. Это было не толь-

ко страсть и удовольствие, но в большей степени желание обеспечить продуктами ближних, поскольку еды тогда сильно не хватало. Очень хорошо помню редкие радостные моменты, когда он уделял мне внимание. Малышом, наверное, четырех-пяти лет всегда брал с собой в ванную купаться, мы гоняли по воде пластмассовые игрушки, смеялись, а потом я счастливый лежал на папиной, как мне казалось необъятной груди. А еще когда я болел, помню рядом только папу и его руки. Однажды на больничном был папа, и целый вечер посвятил мне, рисовал в мой альбомчик медведей, охотников, лосей. Отец рисовал хорошо, и я был в полном восторге. Этот альбомчик долго хранил, как особую ценность.

Для мамы я с самого детства был чем-то негативным, постоянно ее раздражающим, хотя по природе хулиганистым не был. Четырнадцать лет она не работала, зарплаты отца на жизнь хватало. Мне было очень неуютно дома, угнетала атмосфера постоянной ее агрессии в мой адрес. С малых лет домом моим была улица. Мамино угнетение и отцовская авторитарность сильно повлияли на мое взаимоотношение с миром. Я чересчур долго был неуверен в себе, смотрел на всех с некоторой робостью и снизу вверх. Это мешало мне жить, особенно учиться, как в школе, так и в институте, письменные мои работы оценивались, как правило, на хорошо и отлично, за устные же ответы я редко получал выше тройки. Чувствуя в моем голосе некоторую растерянность, преподаватели предполагали слабость знаний.

Как Чехов выдавливал всю жизнь из себя раба, так и я выдавливал из себя неуверенность. Удалось мне это только к пятидесяти годам. Процесс оказался таким долгим потому, что в интеллекте и умении что-то делать, необходимо было не только сравняться с окружающими, но и где-то их превзойти. Честно говоря, в зрелые годы, соприкоснувшись с реальной жизнью, осознал себя таким рабом, что Антона Павловича уже и не понял. Действительно, приходится бороться с этим до сих пор. К счастью вижу, что этой рабской психологии в поколении моих детей, и особенно внуков намного меньше, чем в моем поколении.

Понятно, что, будучи ребенком, я воспринимал все как само собой разумеющееся и пытался утверждать себя в тех ценностях, которые среда мне предлагала. А предлагала она школу, спорт, летом работу вместе с родителями на картофельном огороде и рыбалку, осенью добычу грибов, в общем, было все кроме гуманитарного развития. Гуманитарное долго воспринималось мной как что-то несерьезное, вторичное что ли. Кого могла заинтересовать, например, история, которая в школе была представлена только как история КПСС и история последней войны, или литература, назойливо подававшаяся нам в виде каких-то политизированных образов? При поступлении в институт меня спасла свободная тема. Сочинение под названием «И на Марсе будут яблони цвести» – принесло мне оценку хорошо. Ну а первичным было служение комсомолу и партии, а если не хочешь,

то приветствовалось еще физико-математическое восприятие мира и физическая сила.

Отец был для меня исключительным авторитетом. В партии он не был, причем никогда ее не осуждал, но я каким-то невероятным образом знал его истинное отношение к ней, окончив школу, уже понимал, что если буду делать карьеру с помощью партбилета, потеряю его уважение. На всем политическом я поставил крест еще в школьные годы и ставку сделал на физическую силу и профессионализм. Отрицание коммунистической идеологии тогда было у меня конечно на подсознательном уровне, сознанием я этого не понимал. Не понимал и того, что как раз подсознание и ведет нас по жизни. Все это так, но по правде говорю я, еще будучи школьником, уже имел такую аллергию в душе к вожакам комсомольским и партийным, что к ним в компанию идти совсем не хотел. Сейчас мне понятно почему, я чувствовал искусственность и ложь в их речах, манерах поведения, что исключало доверие к ним, а высокое положение в социуме добываемое такими средствами меня совсем не привлекало. Вожаков пионерских я не упомянул потому, что они все же верили по-детски искренне и вели себя тоже искренне.

Школа у нас большая трехэтажная, и пионерская организация была громадной, может человек триста. Возглавляла ее девушка по имени Лида, очень симпатичная и фигуристая, думаю, школу она закончила и это была ее работа. Она мне, десятикласснику уже не пионеру и еще не комсомольцу

направилась, ведь я уже стал засматриваться на девушек. Себя-то со стороны не видел, но это было как раз время преобразования меня из гадкого утенка в высокого стройного юношу. Мне была симпатична ее неумная энергия и естественность поведения, а еще я видел, как любили ее дети. Мы, понятно, были знакомы, и она помнила меня еще гадким утенком. Однажды уходя с занятий, я встретил Лиду на первом этаже, она мне мило улыбнулась и предложила зайти в пионерскую комнату, а там спросила, не тороплюсь ли я. Я ответил, что нет. Она как-то немножко нервно улыбнулась и, показав на сумку, стоящую на столе спросила:

– Поможешь донести до дома.

– Конечно, запросто, – ответил я.

Помогая одеть ей пальто, я почувствовал, что она волнуется. Это волнение тут же передалось мне, оно было приятным, возбуждающим. Расшифровать его в полной мере я тогда не мог, опыта не было. Сейчас-то все понятно.

По дороге Лида что-то говорила, я механически поддакивал, а в ушах и голове была какая-то ватность, истома и постоянно сверлил тупой вопрос: «Зачем она попросила нести такую легкую сумку?».

От школы Лида жила недалеко, через пять минут мы уже зашли в дверь ее квартиры. Сумку я поставил на табуретку в прихожей, а Лида повернулась ко мне спиной, чтобы я помог снять пальто. Я вынужден был приобнять ее за плечи, взявшись обеими руками за отвороты. Она сразу обмяк-

ла и на мгновение прижалась ко мне. Почувствовав дрожь в ее теле, я тут же весь покрылся испариной. Лида сделала резкое движение вперед, ее пальто осталось в моих руках и я механически, как во сне повесил его на вешалку, которая оказалась рядом. Лида взяла отвороты моей куртки, прижалась ко мне и каким-то сладким-сладким голосом произнесла: «Раздевайся, чай будем пить». Своей плотной, совсем немаленькой грудью она буквально прижала меня к стенке, и я впал в какое-то полуобморочное состояние, ничего не понимал, только смотрел в приоткрытую дверь комнаты на аккуратно застеленную кровать с большой подушкой. Потом стал наплывать какой-то ужас, я отстранил ее, залопотал какие-то извинения, схватил свою сумочку и выскочил за дверь. Не помню, как дошел до дома. Целый месяц я ходил весь из себя рассеянный, как стукнутый пыльным мешком, даже учиться стал хуже.

Памятью своей иногда возвращался к этому случаю и всегда недоумевал откуда во мне, мальчике, было тогда это целомудрие. Красивым отношениям между полами нас никто не учил, зато двор учил, причем в самом грязном и циничном виде. Я не возмущался, слушал, ведь это было так интересно, притягательно и волнительно. А вот душа грязь не воспринимала, она хотела красоты и верила только в нее.

Я уверен, что это целомудрие и стремление к красоте присутствует в душе каждого. Вот только понятие красоты зависит от той среды, в которой человек вырос, оно не абсолют-

но и что для одного красиво для другого это может быть совсем не красотой. Так один из моих приятелей, кандидат наук, кстати, родился в деревне. Так вот для него счастье и красота спать на сене и чтоб обязательно вокруг прыгали блохи.

Но что особенно портит человека так это его эгоизм, который часто подавляет и красоту, и целомудрие. В неприкрытом виде мы его можем видеть у мальчиков-подростков. Пытаясь быть более значимыми в среде сверстников, они готовы на многое, порой на гадкое и мерзкое, причем важно, чтобы о содеянном зле знали, а еще лучше, чтобы видели. Удивительно, что эта зараза сегодня распространилась и на девочек. Как-то в новостях показывали избиение девочки группой ее подружек, записанное на телефон, причем били ее ногами. Ради лайков сегодня подростки массово гибнут в рискованных селфи, и даже устраивают самоубийство. У некоторых взрослых все тоже, только уже завуалированное и не так заметное на первый взгляд. Дети тонко чувствуют культуру среды, в которой существуют и невольно проявляют ее нам. Мы, взрослые, ахаем, ужасаемся, осуждаем своих детей и мало кто осознает, что видит в них свое истинное фото, без ретуши и прикрас.

Чем же определялся уровень культурной среды в послевоенное время, когда информационное поле было очень бедным? В первую очередь родителями, родственниками, семьями приятелей и соседей, а они, в то время, еще несли в себе традиционную бытовую культуру, наработанную на-

шим народом за тысячелетие. Это совсем не то, что мы наблюдаем сегодня. Девяностые годы и информационная революция серьезно изменили культурную среду, грубо внедрив в нее западную масскультуру. А тогда не было никаких заборов и обособления людей друг от друга. В некоторых женщинах еще просматривалась какая-то загадочность из прошлого девятнадцатого века, они еще носили шляпки, а одна моя тетя никак не могла расстаться с муфтой. Женщины не использовали ненормативную лексику и не курили, а мужчины, даже самые хулиганистые, в их присутствии вели себя смирно и старались грубо не выражаться. Недостаток информации успешно компенсировался обилием праздников, на которые собиралась родня, друзья, а порой и соседи. Существовало какое-то особое доверие друг к другу, все и все были на виду. Отношения строилось, понятно, на добром чувстве, но самое главное на терпимости. Ведь на этих искренних встречах выявлялись не только нравственные изъяны каждого, но и дурь, конечно. Удивительно, что тяга к общению, особенно у женщин была так велика, что прощали они друг другу все оскорбления высказанные сгоряча на предыдущей встрече. А в таком стандартном диапазоне – вначале радость встречи, объятия, лобызания, а при расставании претензии и оскорбления друг друга – проходила значительная часть праздников. Мужчины за праздничным столом выпивали крепче, но вели себя обычно ровно и сдержанно. Инициаторами конфликтов, как правило, будучи суще-

ствами более эмоциональными, были женщины. Мужчины в эти разборки не встревали. Помню часто повторяемую ими шутку: «На то они и гусыни, чтобы шипеть». Для меня это была удивительная школа познания человека, на моих глазах отношения препарировались до истинной сути, как в анатомическом кабинете.

То послевоенное время я охарактеризовал бы одним словом – терпимость. Она в полной мере проявлялась к власти, в отношении друг к другу и, кстати, в отношениях жены и мужа. Как-то вот я в детстве только это и видел, невероятную терпимость, но не видел настоящей любви и ничего о ней не знал.

Так уж получилось, что и прочитать об этом я нигде не мог. Опять же издержки культурной среды, в которой рос, порядка 80% бумаги тогда в стране тратилось на политическую литературу. Библиотека у нас в городе была бедная, на хорошие книги очередь. Несколько лет стоял в ней на «Трех мушкетеров», так и не прочитал. В школах я не встретил ни одного достойного преподавателя, способного увлечь своим гуманитарным предметом. Помнятся и поминуются мной добрым словом только два преподавателя – по физкультуре и математике.

Именно поэтому после окончания школы в большую жизнь я вышел в некотором смысле интеллектуальным уродом, был силен физически, с достаточно хорошо развитыми логическими мозгами, но почти нулем в самом главном, ду-

шевном и духовном развитии. К счастью, я мужчина, а потому имел шанс объективно оценить себя, переосмыслить, изменить собственную шкалу ценностей, и стать другим. Надеюсь, что мне в некоторой степени это удалось. Только вот путь этот был очень длинным, почти в целую жизнь.

Интересные, очень почтительные отношения у меня сложились к книгам. В доме их было не больше десятка, о природе и охоте. Их читал отец, страстный охотник. Зимой он не охотился и, наверное, чтением этих книг утолял свою охотничью страсть. В нашем доме жил книголюб по фамилии Лозовский, владелец достаточно большой библиотеки. По просьбе моего отца он позволил брать книги, при условии, что я никому их давать не буду. Было мне тогда восемь лет. Книги я брал регулярно и за 3—4 года перечитал все сказки народов мира и детскую приключенческую литературу. Потом в чтении моем наступил длительный перерыв. Школа, стадион и улица отнимали все время, и было не до чтения, да и ни один учитель литературой увлечь не смог, для положительной оценки достаточно было хотя бы что-то сказать про образ «Безухова» или «Ноздрева», например, изложенный в хрестоматии. Правда, был в моей школьной жизни момент, со школой, кстати, совсем не связанный, который, пожалуй, и зародил в душе любовь к литературе и отечественной истории. Когда гостил в Питере в семье моей тетушки, то непременно вечерами листал толстые дореволюционные журналы «Нива», которых у них бы-

ло несколько штук, передо мной открывался какой-то красивый неведомый мир. Мне было очень странно и непонятно то, что он был совсем недавно и, вдруг бесследно исчез. В студенческие годы иногда читал журналы «Наука и жизнь» и «Техника молодежи». Прочитанные книги помню только две «Денис Давыдов» и «Анна Каренина». Систематически и с интересом начал читать литературу только лет с двадцати пяти. Почти два года я отработал в командировке в Польше, там оказались хорошие магазины с русской книгой и, главное что мне удалось оттуда привести – это книги, больше двухсот томов качественной литературы. Собственно с этих книг и началась моя библиотека.

В целом, семейная культурная среда, в которой я произрастал, была странная и противоречивая. Основу ее составляли шесть женщин-сестер из деревни Сологубовка, самая младшая из них моя мать. Сестры были организаторами встреч нашей родни на протяжении многих лет. Все они были крупными, сильными и в некоторой степени напористыми дамами, хорошо усвоившими правила игры в социуме навязываемыми нам коммунистами. Из войны извлекли однозначный урок, что самое беспроектное находиться рядом с кухней и продуктами. Четверо из них работали при столовых и буфетах. Конечно, все они любили сладко поесть и выпить. В детстве мне это нравилось, только у тетюшек меня всегда угощали чем-то вкусненьким, для меня невиданным. В гостях у них я впервые попробовал бужени-

ну, оливки, твердую колбасу под названием «Советская», маринованные миноги и много еще других вкусностей.

Образование у сестер, понятно какое, выучены были только считать и писать. Их мужья образованы были значительно лучше, культуру имели более высокую и разнообразную, кто-то писал стихи и любил Беранже, кто-то хорошо играл на гармонии, отец профессионально разбирался в ботанике, знал большое количество украинских стихотворений и иногда по просьбе гостей читал их. К женам своим относились они терпимо и очень снисходительно. Из всех сестер развелась с мужем только одна, но у них не было детей. Загадка для меня то, что шесть таких крепких женщин родили на всех всего-то только шестерых детей. Но что удивительно, в них таких вроде бы примитивных и не имеющих в душах настоящей культуры, она эта культура где-то на поверхности присутствовала и была очень заметна. Дело в том, что сестры выросли в православной старообрядческой семье, подчиняясь советской пропаганде верующими не стали, но какие-то основные красивые понятия: аккуратности в быту, почтения старших, отрицания табакокурения и ненормативной лексики, знание ритуала многих православных праздников несли по жизни. Все сестры были, по сути, ленинградцами еще с довоенных времен. Культура Питера не могла не отразиться на их поведении. Деревенский же примитивизм в них проявлялся в полной мере только тогда, когда сестры расслаблялись, встречаясь в своей родной деревне Сологубовке. Мой

отец сестер называл лизоблюдами, сологубовские праздники не любил, старался их избегать, но уж если мать сильно наседала, то всегда поддавался. Ну, а я им очень благодарен. В детстве часто ездил в гости к ним в Питер и каждый раз это была для меня серьезная культурная программа.

На примере своих тетюшек я увидел, что может сделать с человеком семья, традиции и культурная среда, в которой он существует. Оказывается, может сделать почти невозможное, из необразованного и не совсем умного человека сотворить личность достаточно культурную, хотя бы внешне.

Глава 3

Любовь

Советская действительность – это не христианство, любви не учило. Разве что к партии, ее лидерам и коммунизму. Самые пострадавшие от этой идеологии, противной естеству человека, оказались девочки и женщины. В массе своей они эту кривизну, усвоенную в детстве и юности, волокут по жизни, так и не найдя пути к настоящей любви, за исключением единиц с тонкой душевной организацией, или выросших в семьях где эта любовь присутствовала. Думаю, что самая большая ошибка советского времени – недооценка гумани-

тарного образования для девочек.

Никак не был осмыслен опыт русских женских гимназий и институтов. Человек, интересующийся историей, невольно встречается с целой плеядой русских женщин – носительниц высоких идеалов чистоты, благородства, человеческого достоинства. Оказывается, все они оканчивали либо гимназию, либо Институт благородных девиц. Предметы, которые там изучались: Закон Божий, русский язык, литература, арифметика, геометрия, география, история, главные понятия из физики, правила хорошего тона, домашнее хозяйство и гигиена, чистописание, рукоделие, гимнастика, французский и немецкий языки, рисование, музыка, пение, танцы.

А еще, особенно в институтах, девочек учили практической деятельности по ведению хозяйства – вести записи расходов, приобретать товары, оценивать их качество и производить расчёты, помогать учительницам в воспитании младших детей.

Мне кажется, сейчас в период реформы среднего образования самое время обратить внимание не только на советский опыт, но и дореволюционный. Особенно на Закон Божий, знание которого было главной скрепой в семье. Он учил любви, и только из него можно было узнать об иерархии устройства семейной и социальной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.